

Вот и «делание буржуазии орудием пролетариата»! Вот и рабочий класс für sich! Г. Плеханов указывает здесь на удовлетворение политических требований «общества», то есть буржуазии, как на **одно** из «частных выражений» гегемонии пролетариата. Удовлетворение политических требований буржуазии, завоевание политических свобод в целях воспитания рабочих, поднятие в них классового сознания — вот единственное выражение плехановской «гегемонии» пролетариата.

Такова плехановская идея гегемонии пролетариата. Она на деле приводит к гегемонии либеральной буржуазии и, как это мы пытались показать, принципиально расходится с ленинским учением о гегемонии пролетариата. И дальше. Идея гегемонии пролетариата у Г. Плеханова с самого начала тесно связана с его взглядом на русскую революцию, на ее движущие силы. Мы не видим особого «величия и падения» Г. Плеханова как в вопросе о движущих силах русской революции, так и в вопросе о гегемонии пролетариата. Взгляды, развиваемые Г. Плехановым по этим вопросам в эпоху русских революций, являются дальнейшим развитием и углублением его взглядов еще с 80-х годов. Поэтому нам кажутся неправильными встречающиеся в нашей литературе попытки проведения резкой, принципиальной грани между взглядами Г. Плеханова до 1903 года и после, чем и затушевываются различия между взглядами В. И. Ленина, с одной стороны, и Г. Плеханова доменьшевистского периода — с другой.

Прекрасной иллюстрацией того, как сами меньшевики представляли гегемонию пролетариата, служит статья Мартова «9-е января» в «Искре» (27 января 1905 г.). Поклявшись перед читателем, что «нелепо и вредно мечтать о монополии активной роли в надвигающемся восстании для русской социал-демократии», что социал-демократия может «мечтать» лишь о политической гегемонии рабочего класса, Мартов приветствует руководство священником рабочей манифестацией, и дальше продолжает: «Мы будем только рады, если, вслед за священником, популяризовавшим в массах наше требование **разрыва государства с церковью**, вслед за **монархическим рабочим обществом**, организовавшим **народный поход на Зимний дворец**, русская революция обогатится **генералом**, который **первый** поведет народные массы в победный бой против царского войска, или **чиновником**, который первый провозгласит официальное низвержение царской власти»¹⁵⁴.

Итак, провозглашение, с одной стороны, «политической гегемонии рабочего класса», а с другой — проповедь «нелепости и вредности мечтаний о монополии активной роли в надвигаю-

¹⁵⁴ Цит. по «Наши противники» (Сборник материалов и документов), т. II, М., 1929, стр. 12. Подчеркнуто мною. — Г. С.

щемся восстании», надежда на генералов и чиновников, которые поведут рабочих «в победный бой», — вот что представляет собой меньшевистская идея о гегемонии пролетариата.

Как известно, и теория перманентной революции Троцкого — Парвуса являлась противопоставлением ленинскому учению о гегемонии пролетариата. Теория эта исходила из неверия в силу рабочего класса, в его способность повести за собой крестьянство. Авторы этой теории стояли на чисто меньшевистской позиции.

Глава седьмая

УЧЕНИЕ Г. ПЛЕХАНОВА О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Указание на необходимость диктатуры пролетариата в первых работах Г. Плеханова: диктатура пролетариата как «овладение учреждениями» буржуазного государства. — Проект программы РСДРП. — Первая русская революция. — Февральская революция.

Противопоставление силы и насилия. — Буржуазная демократия как орудие построения социалистического общества

Стремлением не «уступать» оппортунизму Г. Плеханова, это го истинно крупнейшего мыслителя и политического деятеля, и объясняется, очевидно, попытка представить его идеологом диктатуры пролетариата, борцом за диктатуру пролетариата вплоть до 1917 года.

«Плеханов целиком стоит на точке зрения революционной диктатуры, которую проводит в жизнь Советская власть... Российский пролетариат выполняет заветы революционера Плеханова», — читаем в «Петроградской правде» в день похорон Плеханова (9 июня 1918 г.). Г. Плеханов по вопросу о диктатуре «заблудился» лишь в последние годы своей жизни, объясняет В. Быстрянский, возвращаясь к этому вопросу через три года в той же «Петроградской правде» (18 февраля 1921 г.) и т. д. Впоследствии этот взгляд приобрел некоторую прочность пред-рассудка (статья «Диктатура пролетариата» в Малой Советской Энциклопедии, I изд., «История ВКП(б)» под редакцией Ем. Ярославского и др.).

Но правилен ли такой взгляд? Правильно ли считать, что Плеханов обосновывал учение о диктатуре пролетариата, то учение, которое развил и осуществлено российским пролетариатом?

Выше мы рассмотрели взгляды Г. Плеханова на такие вопросы, как отношение к буржуазии, крестьянский вопрос и вопрос о гегемонии рабочего класса. Мы попытались показать, насколько эти вопросы тесно связаны с основным вопросом марксизма — с вопросом о диктатуре пролетариата. Можно ли ожидать, чтобы

Г. Плеханов мог стоять на правильной позиции по вопросу о диктатуре пролетариата? Возможно ли вообще подвергнуть марксизм ревизии по таким важнейшим вопросам, как крестьянский вопрос, вопрос о гегемонии пролетариата, вопрос об отношении к буржуазии, и в то же самое время остаться на правильной позиции по вопросу о диктатуре пролетариата?

Это, безусловно, невозможно. Выше, останавливаясь подробно на изложении развития оппортунизма на Западе, мы попытались показать, что всякий отход от марксизма, всякая попытка «подправить» его являлась везде и всюду по своему существу отходом от учения К. Маркса и Ф. Энгельса по вопросу о диктатуре пролетариата, попыткой «подправить» марксистское учение именно по этому основному вопросу. Это положение подтвердило и рассмотрение истории оппортунизма в русском рабочем движении (легальный марксизм, экономизм, меньшевизм).

Нам могут возразить: имеется же указание на неизбежность диктатуры пролетариата в первых работах Г. Плеханова, воевал же он по вопросу о диктатуре с Эд. Бернштейном и, наконец, не переставал же он говорить о революционной диктатуре пролетариата долго еще и после своего «падения».

Действительно, о диктатуре пролетариата Г. Плеханов говорит в первых же своих марксистских работах. В программах группы «Освобождение труда» подчеркивается, как это и выше отмечали, необходимость «завоевания рабочим классом политического господства» (программа 1885 года), «захвата рабочим классом политической власти» (программа 1888 года) как «неизбежное предварительное условие» для переустройства общества: устранения капиталистического способа производства и замены ее социалистическим способом. Правда, здесь не имеется прямого указания на диктатуру пролетариата, но зато еще в брошюре «Социализм и политическая борьба» Г. Плеханов, говоря о завоевании рабочим классом государственной власти, о «захвате власти в социалистической революции», прямо указывает, что этот захват власти пролетариатом принимает форму его диктатуры. Диктатура пролетариата, подчеркивает он, представляет «неизбежный вывод» из той борьбы, которую рабочий класс ведет для своего освобождения. Диктатура пролетариата — орудие преобразования капиталистического общества в общество социалистическое. Задачей диктатуры пролетариата является «не только разрушение политического господства непродвижительных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни»¹⁵⁵.

¹⁵⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 76—77.

Прямое указание на неизбежность диктатуры пролетариата находим у Г. Плеханова и в полемике с Эд. Бернштейном. Правда, в первых своих двух критических выступлениях («Бернштейн и материализм», «За что нам его благодарить?») он ограничивается критикой ревизионизма Эд. Бернштейна по вопросам философии и экономики, обходя вовсе вопрос о диктатуре пролетариата. Правда, этому вопросу Г. Плеханов и в своей третьей статье «Сант против Канта» (1901 год) отводит, как и К. Каутский в своем «Антибернштейне», очень мало места (всего около двух страниц из тридцати). Но он здесь все же подчеркивает неизбежность революционного взрыва и революционной диктатуры¹⁵⁶.

В своем предисловии к «Коммунистическому манифесту», написанном в 1900 году, Г. Плеханов, полемизируя с Эд. Бернштейном, довольно подробно останавливается на вопросе о диктатуре пролетариата, отстаивая идею диктатуры, необходимость ее установления для рабочего класса в целях осуществления его классовых задач. Диктатура необходима рабочему классу, указывает он, для того, чтобы он мог «распоряжаться организованной силой общества для защиты своих интересов и для подавления всех общественных движений, прямо или косвенно угрожающих этим интересам»¹⁵⁷.

Мы ниже постараемся показать, как именно представляет Г. Плеханов диктатуру пролетариата, насколько его понимание диктатуры соответствует марксистскому учению. Но нельзя не отметить, что это признание и отстаивание идей диктатуры пролетариата, провозглашение неизбежности завоевания рабочим классом государственной власти для социалистического переустройства общества, независимо от того, какое содержание вкладывалось в понятие «диктатуры», «завоевания власти», имело, безусловно, большое революционное значение, сыграло, без сомнения, чрезвычайно большую роль в борьбе против явно оппортунистических элементов социал-демократии, против тех, кто призывал рабочий класс отвернуться вовсе от политической борьбы, от борьбы за власть и сосредоточить все внимание на постепенных мелких реформах в рамках существующего строя.

Эти выступления Г. Плеханова против Эд. Бернштейна представляют, безусловно, большую его заслугу перед международным рабочим движением.

В статье «Что же дальше?» (1901 год) Г. Плеханов пишет, что социал-демократия не может отказаться от мысли о будущей диктатуре революционного пролетариата, ибо это значило бы ограничиться проповедью «социальной реформы», не идущей

¹⁵⁶ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 55—57.

¹⁵⁷ Там же.

далее смягчения некоторых грубых и устранения некоторых отсталых форм эксплуатации человека человеком, ибо это значило бы превратиться из революционера в смягченного и облагороженного буржуа *dernière mode* (последней моды)¹⁵⁸.

Необходимость установления рабочим классом диктатуры не отрицает Г. Плеханов и после того, как он становится на точку зрения меньшевизма. В статье «К вопросу о захвате власти» (апрель 1900 год) он указывает, что рабочий класс должен добиться политической власти как ничем не заменимого орудия коренного переустройства производственных отношений, орудия для устранения капиталистических отношений производства. «Другими словами: — разъясняет он, — диктатура пролетариата должна быть первым актом социалистической революции»¹⁵⁹. Эту же мысль подчеркивает он и в своей статье «Выбранные места из переписки с друзьями» (август 1905 года) и впоследствии (1906 год) в предисловии к брошюре Ф. Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии»¹⁶⁰. Г. Плеханов не считает только возможным осуществление диктатуры пролетариата в какой бы то ни было форме в переживаемую эпоху. Российский пролетариат, по его мнению, далеко еще не созрел для того, чтобы взять в свои руки политическую власть.

Наконец, заслуживает внимания выступление Г. Плеханова против ликвидаторов, явление, изображаемое обычно историками как поворот Г. Плеханова влево, как «просыпание» в нем революционера и т. п. Нельзя отрицать, несомненно, той большой революционной роли, которую Г. Плеханов сыграл в борьбе с ликвидаторством. Своим выступлением против ликвидаторов он, безусловно, усилил позицию большевиков. Но было бы большой ошибкой думать, что Г. Плеханов в борьбе с ликвидаторами и ликвидаторством изменил себе, изменил своей позиции 1903 — 1906 годов. Нужно помнить, что он в этой борьбе отстаивал существование социал-демократической партии, отстаивал идею завоевания рабочим классом политической власти, то есть идею, которую он отстаивал с самого начала в своих марксистских работах, идею, от которой не отказывался он ни в эпоху первой русской революции, ни после, вплоть до своей смерти.

Но как же представляет Г. Плеханов завоевание рабочим классом политической власти, установление диктатуры пролетариата? Соответствует ли понимание диктатуры пролетариата

¹⁵⁸ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 163—164.

¹⁵⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 203.

¹⁶⁰ Там же, стр. 300, 302—303; Г. В. Плеханов, Предисловие к брошюре Ф. Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», Соч., т. XVI, стр. 282—283.

Г. Плехановым учению К. Маркса и Ф. Энгельса? Такой вопрос является вполне естественным, ибо, как это выше видели, идею диктатуры пролетариата «признавали» и многие теоретики Второго Интернационала, идею диктатуры пролетариата «признавал», в частности, и К. Каутский.

Проследим хронологически, шаг за шагом, мысли и рассуждения Г. Плеханова по вопросу о диктатуре пролетариата. Начнем с первой его работы «Социализм и политическая борьба».

Первая глава этой работы посвящена разбору взглядов анархистов на политику и политическую борьбу, проведению грани в этом вопросе между анархистами и марксистами. Совершенно правильно указывая на отрицательное отношение анархистов к политической борьбе, враждебное отношение к политической власти, Г. Плеханов пишет: «Анархист отрицает **созидающую роль государства в социалистической революции**, именно потому, что не понимает задач и условий этой революции»¹⁶¹.

О созидательной роли в социалистической революции **какого** государства говорит здесь Г. Плеханов?

Одно то обстоятельство, что здесь не указано, о каком именно государстве идет речь, дает основание думать, что имеется в виду существующее, буржуазное государство. Через три страницы, сравнивая анархистов-бакунистов и «впередовцев» 70-х годов, Г. Плеханов прямо указывает на это. «Впередовцы», пишет он, «относились к политической борьбе так же отрицательно, как и анархисты, так как считали, что возможность политической борьбы в современном государстве покупается слишком дорогой ценой, но они, в противоположность анархистам, «не думали... что социализм несовместим с вмешательством в политическую жизнь **буржуазного** государства, и вполне оправдывали программу западноевропейской социал-демократии»¹⁶².

Дальнейшее изложение «Социализма и политической борьбы» еще больше подтверждает ту мысль, что Плеханов, говоря о «созидающей роли государства в социалистической революции», о государстве как о рычаге для переустройства капиталистического общества в общество социалистическое и потому отстаивая идею завоевания, захвата государственной власти, имеет в виду именно современное государство, завоевание, захват буржуазной государственной машины. Разбирая отношение теории научного социализма к вопросу о политической борьбе, о завоевании рабочим классом политической власти, Г. Плеханов приводит выдержки из программ социали-

¹⁶¹ Г. В. Плеханов, Социализм и политическая борьба, Соч., т. II, стр. 35. Подчеркнуто мною. — Г. С.

¹⁶² Там же, стр. 38. Подчеркнуто мною. — Г. С.

стических рабочих партий различных стран. В числе других приводится как образец формулировка завоевания пролетариатом политической власти в программе социалистической партии США. «...Рабочий класс обязан организовать в большую рабочую партию, чтобы добиться политической силы в государстве и завоевать, с ее помощью, экономическую независимость, потому что освобождение рабочего класса может быть совершено лишь самими рабочими». И здесь же Г. Плеханов приводит выдержку из программы французской рабочей партии, указывающую на то, что всеобщее избирательное право рабочий класс превращает из орудия обмана, каким оно является в руках буржуазии, в орудие своего освобождения от ига капитала¹⁶³.

Ясно, что Г. Плеханов имеет в виду политическую силу, политическую власть именно в современном государстве, что он предлагает рабочему классу превратить эту власть, институты современного буржуазного государства из орудия обмана и угнетения в орудие своего освобождения.

Посмотрим дальше. Вслед за программами социалистических партий США, Франции и др. Г. Плеханов указывает на манифест английской «Демократической федерации», знаменующий, по его мнению, возвращение английского пролетариата на революционный путь. Этот манифест, пишет он, призывает эксплуатируемых именно к захвату государственной власти с целью переустройства общества в своих интересах. Манифест перечисляет в качестве ближайших требований «Демократической федерации» целый ряд мер, необходимых для развития «здорового, независимого и серьезного образованного поколения, готового организовать труд каждого на пользу всех и овладеть, наконец, всей социально-политической машиной государства, в котором перестанут тогда существовать классовые различия и привилегии». Но пролетариат, поясняет Г. Плеханов, «не ограничивает свою политическую программу захватом современной государственной машины». С изменением формы правления пролетариат изменяет взаимное положение граждан, их имущественные и трудовые отношения и т. д.¹⁶⁴

Не может быть сомнения: лишь завоевание, захват существующей буржуазной государственной машины, лишь то, что рабочему классу необходимо «выбить из рук противников» имеющийся у них государственный аппарат, овладеть им и использовать его в своих интересах, — лишь это имеет в виду Г. Плеханов, говоря о завоевании, о захвате пролетариатом государственной власти, об установлении диктатуры пролетариата.

¹⁶³ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 53.

¹⁶⁴ Там же, стр. 54—55.

Возвращаясь опять к этому вопросу через два года в письме к петербургским рабочим кружкам «Современные задачи русских рабочих», Г. Плеханов рисует нам еще раз именно такую картину завоевания политической власти рабочим классом, установления его диктатуры. Абсолютная монархия уступит место монархии ограниченной. Царь вынужден будет разделить власть с земским собором, с парламентом или вообще с законодательным собранием. Рабочие добьются права посылать своих представителей в это законодательное собрание. Эта возможность не очень далека. Но далеко еще до установления власти рабочих, ибо в законодательном собрании «большинство будет состоять из представителей высших классов». Но то обстоятельство, что это собрание не пойдет на серьезные уступки, вызовет недовольство среди широких масс народа и толкнет их в ряды революционеров. Народ, разочаровавшись в милосердии царя и в благоразумии высших классов, поддержит рабочих. Трудящийся класс, получив абсолютное большинство, «захватит всю государственную власть в свои руки и провозгласит республику социальную и демократическую»¹⁶⁵.

Удивительно ли после этого, что Г. Плеханов в своих работах ни разу не упомянул о разрушении буржуазной государственной машины, ни разу не пробует, как указывает В. И. Ленин, разобрать вопрос о государстве типа Парижской Коммуны, обходит этот вопрос!¹⁶⁶ Правда, Плеханов один раз (в статье об Энрико Леонэ) пришлось вспомнить слова К. Маркса из «Гражданской войны во Франции» о том, что рабочий класс не может просто овладеть государственным механизмом буржуазного общества. Но это знаменитое указание (повторенное, как известно, К. Марксом и Ф. Энгельсом в предисловии к «Коммунистическому манифесту» в 1872 году) имеет в виду, оказывается, по мнению Г. Плеханова, далеко не разрушение этого механизма. Было бы неправильно, поясняет он, не делать в нем никаких изменений. Рабочий класс внесет определенные изменения в государственный механизм буржуазии. Но для этого необходимо взять его в руки, овладеть им, чтобы получить возможность распорядиться по своему усмотрению¹⁶⁷. Изменение, которое Г. Плеханов предлагает внести в государственный механизм буржуазии, не является чем-нибудь принципиально новым. Оно черпается опять-таки из практики буржуазного государственного строя. Это — введение прямого народного законодательства.

¹⁶⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 370—372.

¹⁶⁶ См. В. И. Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, Соч., т. 28, стр. 245—246.

¹⁶⁷ См. Г. В. Плеханов, Критика теории и практики синдикализма, Соч., т. XVI, стр. 108—109.

Как выше было отмечено, Г. Плеханов в своем предисловии к «Коммунистическому манифесту», полемизируя с Эд. Бернштейном, уделяет внимание и вопросу о диктатуре пролетариата. Отстаивая идею диктатуры, он старается доказать Эд. Бернштейну, что тот представляет ее совсем неправильно, почему он и приходит к выводу, что стремление рабочего класса к диктатуре является политическим атавизмом. Ведь в классовом обществе, там, где есть классовая борьба, поясняет он Эд. Бернштейну, естественно стремление каждого из борющихся к полной победе над своим противником и к полному над ним господству. «Диктатура всякого данного класса означает... господство этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своих интересов и для прямого или косвенного подавления всех тех общественных движений, которые нарушают эти интересы»¹⁶⁸.

Итак, диктатура данного класса означает господство этого класса. Какова форма этого господства, каков путь его завоевания?

«В этом смысле можно сказать, — поясняет Г. Плеханов только что приведенную мысль, — что, например, французская буржуазия добилась диктатуры еще в эпоху первого Учредительного собрания и затем, с некоторыми перерывами продолжала пользоваться ею вплоть до наших дней»¹⁶⁹.

Иначе говоря, отстаивание французской буржуазией в 1789 году Национального собрания от покушения короля разогнать его, провозглашение этим Собранием себя Учредительным собранием (9 июля), отстаивание буржуазией своего господства в XIX веке посредством различных имеющих еще до нее собраний, парламентских учреждений — это Г. Плеханов и считает именно той формой господства, той формой диктатуры, к которой рабочий класс и должен стремиться.

Завоевание, захват рабочим классом политической власти, о котором Плеханов все время говорит, установление диктатуры пролетариата, о котором он часто пишет, представляет завоевание, захват рабочим классом парламентских учреждений современного буржуазного государства. Напомнив читателю положение Минье о том, что «сила, достигшая господства, всегда овладевает учреждениями», Г. Плеханов устанавливает: «Когда данный класс овладевает учреждениями», наступает эпоха его диктатуры»¹⁷⁰.

¹⁶⁸ Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 318.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Г. В. Плеханов, Предисловие к «Коммунистическому манифесту», Соч., т. XII, стр. 318.

Вот сущность плехановского учения о диктатуре пролетариата.

В свете вышеизложенного становится совершенно ясным тот спор, который разгорелся между Г. Плехановым и В. И. Лениным во время составления проекта программы РСДРП. Как известно, Г. Плеханов в своем втором проекте выбросил выражение «диктатура пролетариата», заменив его выражением «власть пролетариата».

Смягчение Г. Плехановым своего второго проекта некоторые пытались объяснить как «результат уступки Г. Плеханова Ленину». В вопросе о диктатуре пролетариата Г. Плеханов, оказывается, занимал левое, якобинское крыло, тогда как другие члены редакции «Искры», в том числе и В. И. Ленин, стояли, видите ли, на позиции европейской ортодоксии, представляемой К. Каутским, иначе говоря, на позиции отрицания по существу диктатуры пролетариата. Прекраснейшим опровержением этой лжи и клеветы являются проект программы Ленина и его замечания на проекты Плеханова.

В своем проекте, написанном сразу же после первого проекта Г. Плеханова, В. И. Ленин совершенно ясно и определенно указывает на то, «что диктатура пролетариата составляет необходимое политическое условие социальной революции»¹⁷¹. В замечаниях В. И. Ленина на второй проект Г. Плеханова имеется прямой упрек в том, что «в проекте упущено указание на диктатуру пролетариата, бывшее первоначально». Причем В. И. Ленин там же поясняет, что «признание необходимости диктатуры пролетариата самым тесным и неразрывным образом связано с положением Коммунистического Манифеста, что пролетариат один только есть действительно революционный класс»¹⁷².

Но, помимо этих данных, разве удивительно, что Г. Плеханов заменил выражение «диктатура пролетариата» выражением «власть пролетариата»? Разве для него «диктатура» и «власть», «господство» не тождественные понятия? Разве не видно, что на каутскианской точке зрения стоит, и совершенно определенно, не кто иной как Г. Плеханов?

Кстати, в самом споре вокруг проектов программы Г. Плеханов сам как нельзя лучше подтверждает это. «Я заметил выражение диктатура пролетариата, — пишет он В. Засулич, — выражением власть пролетариата: это одно и то же, ибо в политике кто имеет власть, тот и диктатор»¹⁷³.

¹⁷¹ В. И. Ленин, Проект программы российской социал-демократической рабочей партии, «Ленинский сборник», т. II, стр. 45.

¹⁷² В. И. Ленин, Замечания на проект программы, «Ленинский сборник», т. II, стр. 80—81.

¹⁷³ «Ленинский сборник», т. II, стр. 95.

Г. Плеханов принял поправку В. И. Ленина: включил в проект программы требование диктатуры пролетариата. Более того, в своих «Комментариях к проекту программы РСДРП» он выступил (на страницах «Зари») с защитой идеи диктатуры. Но и здесь, как и в предыдущих, рассмотренных нами выше работах, он не сумел, как это постараемся показать ниже, уйти далеко от каутскианской позиции.

Совершенно естественно, что такой взгляд на диктатуру пролетариата привел Г. Плеханова к антимарксистской, к оппортунистической тактике в период первой русской революции. Прежде всего, он уже в 1904 году восстает против пропагандируемой большевиками идеи диктатуры пролетариата, называя ее бонапартизмом, бланкизмом, народничеством¹⁷⁴ и т. п. Диктатуру пролетариата, которую отстаивали большевики, Г. Плеханов считает «диктатурой над пролетариатом»¹⁷⁵ — выражение, ставшее впоследствии очень ходким среди всякого рода оппортунистов в качестве «крепкого слова» в борьбе с большевизмом, со страной диктатуры пролетариата.

Большевистскому, «бланкистскому» пониманию диктатуры пролетариата Г. Плеханов противопоставляет свое, знакомое нам понимание диктатуры как «овладение политической властью»¹⁷⁶. В своих «Выбранных местах из переписки с друзьями» он становится совершенно определенно на позицию знаменитых «Двух диктатур» А. Мартынова. Он выступает с защитой «настоящей» диктатуры А. Мартынова против «якобинской» диктатуры В. И. Ленина, с защитой диктатуры, которая сводится, как мы это выше видели, к «реализации народного самодержавия» и реализации «общенациональной», «общенародной» воли, или, иначе говоря, к политическому господству пролетариата в форме парламентского большинства¹⁷⁷. Поэтому-то в особенности и восторгалась буржуазия «трезвостью» Г. Плеханова еще в период первой русской революции. Характерен в этом отношении отзыв, который дает в 1906 году о плехановской позиции по вопросу о диктатуре пролетариата А. Изгоев — бывший легальный марксист, ближайший соратник П. Струве, вместе с ним прошедший путь от социал-демократов через «Союз освобождения» к кадетам, ставший после поражения революции 1905 года одним из виднейших предста-

¹⁷⁴ См. Г. В. Плеханов, Центризм или бонапартизм?, Соч., т. XIII, стр. 91.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Г. В. Плеханов, К вопросу о захвате власти, Соч., т. XIII, стр. 203 и след.

¹⁷⁷ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 280—282.

вителей охватившей буржуазию общественной реакции. В статье «Диктатура пролетариата» А. Изгоев, задавшись целью объяснить социал-демократии сущность «настоящей», «чисто марксистской» диктатуры пролетариата, указывает, что основная ошибка вождей пролетариата во время революции 1905 года, заключающаяся в отказе от союза с буржуазией и приведшая, по мнению автора, к поражению, тесно связана с «бланкистским пониманием» диктатуры пролетариата. Правда, оказывается, такое понимание диктатуры когда-то разделял сам К. Маркс, но с того времени история научила марксистов, сообщает автор, совершенно другому. Начавшаяся работа по очищению учения о диктатуре пролетариата была завершена Ф. Энгельсом, который, оказывается, «бланкистскому пониманию революции и диктатуры пролетариата», еще в 1849 году разделяющемуся Карлом Марксом, в 1895 году противопоставил свое, чисто марксистское, последовательно проведенное понимание, сводящееся к отказу от насильственной революции, к перенесению центра тяжести на мирную, парламентскую деятельность, проникновению пролетариата в правящий механизм. И вот такое «чисто марксистское, последовательно проведенное» понимание диктатуры пролетариата А. Изгоев находит у К. Каутского и Г. Плеханова. Такое понимание диктатуры пролетариата А. Изгоев находит в приведенном нами выше определении диктатуры из предисловия Г. Плеханова к «Коммунистическому манифесту». Такое понимание диктатуры пролетариата видит А. Изгоев в нападках Г. Плеханова на «бланкизм» большевиков¹⁷⁸.

Отступление от марксистского учения о диктатуре пролетариата приводит Г. Плеханова к извращению марксизма и по другим вопросам. Его оппортунистические взгляды на крестьянство, на гегемонию пролетариата, на отношение к либеральной буржуазии тесно связаны с оппортунистическим пониманием идеи диктатуры пролетариата. Все и всякие споры между большевиками и меньшевиками и, в частности, между большевиками и Г. Плехановым в конечном итоге являлись спорами по вопросу о диктатуре пролетариата. Все и всякие расхождения между большевизмом и меньшевизмом определялись именно расхождением по этому основному вопросу. Между прочим, Г. Плеханов сам подчеркивает это положение. В статье «Где же правая сторона и где „ортодоксия“?» (июнь 1906 года), разбирая разногласия между меньшевиками и большевиками, он указывает, что первые более или менее твердо и последовательно придерживаются тактических взглядов, соответствующих теорий

¹⁷⁸ См. А. С. Изгоев, Диктатура пролетариата, «Полярная Звезда», 1906 г., № 10, стр. 715—725.

К. Маркса, тогда как вторые «с головой ушли в бланкизм». «В этом все дело, — пишет он, — и этим объясняются все споры, ведущиеся между ними, и все раздражение, вызываемое этими спорами»¹⁷⁹.

Годы империалистической войны и Февральская революция, борьба российского пролетариата за осуществление своей диктатуры вскрывают весь оппортунистический нарыв Г. Плеханова. Обнажается его антимарксистская позиция прежде всего по вопросу о диктатуре пролетариата.

Г. Плеханов выступает против захвата государственной власти Советами рабочих депутатов, против осуществления рабочим классом диктатуры, поскольку рабочие не составляют большинства населения. Г. Плеханов опять за диктатуру пролетариата, «но главное в том, — поясняет он, — что, согласно социал-демократическому учению, диктатура пролетариата станет возможной и желательной лишь тогда, когда наемные рабочие будут составлять большинство населения». «В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем, он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист». По вопросу о диктатуре пролетариата Г. Плеханов уже прямо ссылается на взгляд К. Каутского¹⁸⁰.

Известно, что диктатура пролетариата включает в себя понятие «насилие» для подавления сопротивления революции со стороны эксплуататорских классов. На это положение неоднократно указывает В. И. Ленин. Диктатура по Ленину — это «власть, опирающаяся непосредственно на насилие»¹⁸¹.

Каково же отношение к этому вопросу основоположников теории научного социализма? Какую роль играет насилие в учении К. Маркса и Ф. Энгельса о диктатуре пролетариата?

В своем стремлении оправдать буржуазную демократию, как путь к социализму, теоретики Второго Интернационала и прежде всего К. Каутский, как известно, немало сделали для фальсификации отношения марксизма к вопросу о насилии. В своих работах, начиная с «Диктатуры пролетариата», написанной в 1918 году, и кончая последними журнальными статьями, К. Каутский с чрезвычайным упорством и усердием пытается доказать, что К. Маркс, хотя в 40-х годах и «возлагал на-

¹⁷⁹ Г. В. Плеханов, Где же правая сторона и где «ортодоксия»? Соч., т. XV, стр. 151. Подчеркнуто мною. — Г. С.

¹⁸⁰ См. «Единство», 1917 г., № 86, 173.

¹⁸¹ В. И. Ленин, О лозунге «разоружения», Соч., т. 23, стр. 84; В. И. Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, Соч., т. 28, стр. 216.

дежды на победную силу революционного террора», считая его единственным средством для ускорения кровавых родовых мук нового общества, но ко времени Парижской Коммуны уже отречься решительно от этого взгляда, определив террор как характерный признак революции лишь «высших классов»¹⁸².

Ссылается К. Каутский при этом, во-первых, на замечания К. Маркса в 70-х годах о том, что в Англии и Америке, как исключение, за отсутствием военщины и бюрократии, возможен мирный переход к социализму, не желая видеть, что с 70-х годов положение изменилось коренным образом, что военщина и бюрократия народились и развились и в этих странах точно так же, как и на континенте. Да, кроме того, разве можно обобщать исключение? Из того, что в некоторых странах пролетариату удастся взять в свои руки власть без насильственной революции, без террора, можно ли делать вывод о том, что насильственная революция вообще исключается, что она характерна лишь для «высших классов», а не для пролетариата? Насильственная революция, конечно, не во всех странах неизбежна. В определенных условиях рабочему классу капиталистических стран может открыться возможность прийти к власти, установить свою диктатуру без насилия, без насильственной революции. Но это не значит, что насильственная революция отрицается всегда и при всех условиях.

Для отрицания насильственной революции ссылается К. Каутский, во-вторых, на оценку К. Марксом и Ф. Энгельсом опыта Парижской Коммуны. Насколько жалки его увертки, насколько грубы его мошеннические приемы аргументации, видно из того, что он пытается приписать «чувство удовлетворения» К. Марксу по поводу того, что Парижская Коммуна, якобы «была свободна от насилий»¹⁸³. Разве не гнусная клевета утверждать, что основоположники теории научного социализма могли бы с «чувством удовлетворения» отзываться об отсутствии насилия в период славной Коммуны? Не вдаваясь в подробности разбора оценки Парижской Коммуны К. Марксом и Ф. Энгельсом, приведем одно положение из статьи Ф. Энгельса «Об авторитете»: «Если бы Парижская коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве она продержалась бы дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?»¹⁸⁴.

Похоже ли это на то, что К. Каутский приписывает К. Марксу и Ф. Энгельсу? Да разве только это? Разве К. Маркс в своей «Гражданской войне во Франции» не упрекал

¹⁸² К. Каутский, Терроризм и коммунизм, стр. 53—56.

¹⁸³ Там же, стр. 55—56.

¹⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 137.

Парижскую Коммуну за недостаточное использование ею насилия против своих врагов, за снисходительность и великодушные к последним? Разве К. Маркс не отмечал с большим сожалением, что полицейских не только не обезоружили и не арестовали, как это следовало бы сделать, а широко раскрыли перед ними ворота Парижа для бегства их в Версаль, что «людей порядка» — парижских реакционеров — оставили в покое, дали им возможность укрепиться и организовать, вести работу против Коммуны? Разве К. Маркс не оправдывал крайние террористические мероприятия, к которым, хотя и поздно, прибегла Коммуна? ¹⁸⁵ Критикуя Дюринга, считающего насилие безусловно злым началом, Ф. Энгельс указывает на то, что «насилие играет также в истории другую роль («кроме совершения зла») — именно революционную роль, что оно, по словам Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым».

Нечего говорить о том, что насильственная революция — не цель рабочего класса. Она лишь неизбежна при необходимости подавить бешеное сопротивление буржуазии. Ее навязывает пролетариату буржуазия.

Таково отношение основоположников теории научного социализма к насилию, насильственной революции. Каково же отношение Г. Плеханова к этому вопросу?

В брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» В. И. Ленин, характеризуя позицию К. Каутского по вопросу о диктатуре пролетариата, о насильственной революции, указывает на то обстоятельство, что последнему нужно истолковать диктатуру как «состояние господства», ибо, поясняет В. И. Ленин, «тогда **исчезает революционное насилие, исчезает насильственная революция**» ¹⁸⁶. Мы видели, что и Г. Плеханов, точно так же как и К. Каутский, диктатуру толкует как «состояние господства». Не нужно ли это и Г. Плеханову для удаления из понятия диктатуры насилия, насильственной революции как ее элемента? Не стоит ли Г. Плеханов на каутскианской точке зрения и по этому вопросу?

Работы Г. Плеханова дают достаточно определенный ответ на этот вопрос. В своих «Комментариях к проекту программы РСДРП» Г. Плеханов, защищая идею диктатуры пролетариата, совершенно определенно говорит о революционной силе, могущей лишь обеспечить пролетариату завоевание диктатуры. В классовом обществе, пишет он, «нет другого **верховного владыки, кроме силы**» ¹⁸⁷. Этот взгляд развивает Г. Плеха-

¹⁸⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. II, стр. 307—308, 310—332.

¹⁸⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 217.

¹⁸⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 226—227.

нов вплоть до своей смерти. На это указывает он в «Социализме и политической борьбе». Об этом он говорит в предисловии к «Коммунистическому манифесту». Эту мысль он развивает в период первой русской революции. И, наконец, не перестает он проповедовать этот взгляд и в 1917—1918 годах.

Значит, Г. Плеханов по крайней мере по этому вопросу остается на революционной, марксистской точке зрения?

Более обстоятельное изучение Г. Плеханова приводит, однако, к совершенно другому выводу. Во всех работах Г. Плеханова, касающихся революции, завоевания рабочим классом политической власти, красной нитью проходит **противопоставление силы и насилия**. Об этом противопоставлении силы и насилия он говорит прямо в своем предисловии к «Коммунистическому манифесту». «Правда, — пишет он, — сила и насилие совсем не одно и то же. В международных политических отношениях значение каждого государства определяется его силой, но из этого вовсе не следует, что признание прав сильного в каждом отдельном случае предполагает насильственные действия. То же — и в междуклассовых отношениях. Значение каждого данного класса всегда определяется его **силой**, но для признания его значения далеко не всегда **нужно насилие**» ¹⁸⁸. Поэтому мысль о том, что диктатура предполагает обязательно силу, вовсе не означает, по мнению Г. Плеханова, что она (диктатура) предполагает насилие. «**Иное дело диктатура данного класса и иное дело насильственные действия**, предпринимаемые этим классом в своем стремлении к диктатуре. Во время реставрации Гизо и его единомышленники чрезвычайно энергично и вполне сознательно стремились к установлению диктатуры «среднего класса», но никто из них не думал о насильственных действиях вообще и об уличном восстании — в частности...». Но это не мешало Гизо быть революционером, ибо он ни на минуту не переставал развивать в умах людей «среднего класса» сознание враждебной противоположности их интересов с интересами аристократии. «Совершенно такими же революционерами (только стоявшими на точке зрения другого класса) явились Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», и совершенно такими же революционерами остались они до последнего своего издыхания» ¹⁸⁹.

Это же самое повторяет Г. Плеханов и в своей работе, направленной против Эд. Бернштейна, «Сant против Канта, или Духовное завещание г. Бернштейна». «Великий общественный

¹⁸⁸ Г. В. Плеханов, Предисловие к «Коммунистическому манифесту», Соч., т. XI, стр. 320; Г. В. Плеханов, Сила и насилие, Соч., т. IV, стр. 257—258.

¹⁸⁹ Г. В. Плеханов, Предисловие ко второму изданию «Манифеста Коммунистической партии», Соч., т. XI, стр. 326. Подчеркнуто мною.— Г. С.

вопрос нашего времени, вопрос об уничтожении экономической эксплуатации человека человеком может быть решен, — как решались великие общественные вопросы прежнего времени, — **только силой**». Но, разъясняет Г. Плеханов, «сила еще не значит насилие: насилие есть лишь одна из форм проявления силы», форма, которая не обязательна для решения этого вопроса¹⁹⁰.

В том же духе выступает Г. Плеханов в эпоху первой русской революции против большевистских взглядов на насильственную революцию. Так, например, в «Письме о тактике и бестактности» он упрекает большевиков в том, что они не сосредотачивают все свое внимание на «оружии критики», на теории, «заговаривая» о «критике посредством оружия», о технической подготовке восстания и т. д. Ведь и «оружие критики» и теория представляют материальную силу. Ваши рассуждения о «критике оружием», обращается он к большевикам, являются перенесением в область тактики дюрингианской теории насилия¹⁹¹.

В статье «Болонский съезд итальянских социалистов» (апрель 1904 года) Г. Плеханов жалуется на то, что «вопрос о насильственном способе действий не всегда удачно разрешался также и революционерами». Говорить о насилии как о методе действия, по мнению Г. Плеханова, неправильно. Правда, сила всегда служила повивальной бабкой старому обществу при рождении нового, но это вовсе не значит, что революционные классы в своем освободительном движении всегда прибегали к **насилию**. «Совсем нет, — утверждает он. — В такой борьбе сила всегда служит последним, необходимым доводом: успех всегда склоняется на сторону **больших батальонов**. Но **методом** такой борьбы далеко не всегда является **насилие**: многие вопросы с гораздо меньшими затратами решаются в ней не «батальонами», а дипломатией... за которой стоят «батальоны»¹⁹².

Таким взглядом Г. Плеханова на силу и насилие объясняется, между прочим, и то обстоятельство, что он горячо протестовал против отождествления в его речи на Парижском кон-

¹⁹⁰ Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 56. Подчеркнуто мною. — Г. С.

¹⁹¹ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. XV, стр. 115.

¹⁹² См. Г. В. Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 69.

Читая вышеприведенные строки о противопоставлении силы и насилия, поневоле вспоминаешь рассуждение Вудро Вильсона в его курсе о государстве о том, что государственная власть «не покоится необходимо на открытой силе», на силе «в тесном смысле» (т. е., говоря языком Плеханова, на насилии), что сила, поддерживающая ее (государственную власть), есть «сила согласно большинства» и т. п. См. В. Вильсон, Государство, М., 1905, стр. 510—511. Ср. Г. Елинек, Общее учение о государстве, СПб., 1908, стр. 264.

грессе А. Мартыновым слова «приступ» с понятием «восстание». Говоря о том, что русская интеллигенция должна с помощью рабочих «приступом взять твердыню капитализма», Г. Плеханов, оказывается, как он разъяснил А. Мартынову (в 1910 году), вовсе не имел в виду восстание. «На Парижском съезде моея речь, — пишет он, — произнесена была по-французски. Русское слово приступ равнозначительно французскому assaut. Насколько я знаю, никому из моих слушателей не пришло в голову отождествить слово assaut (приступ) со словом insurrection (восстание)»¹⁹³.

Противопоставление силы и насилия, отрицание насилия как элемента диктатуры пролетариата у Г. Плеханова теснейшим образом связано с его пониманием диктатуры как «состояния господства», и было бы совершенно нелогично ожидать от него по этому вопросу другого взгляда. Такое признание силы, какое мы видим у Г. Плеханова, и является характерным именно для оппортунизма. От такого признания силы не отказывается даже Г. Фольмар. Приветствуя вступление А. Мильерана в правительство, восторгаясь вступлением французской социал-демократии на парламентский путь социальных реформ, Г. Фольмар с особым ударением подчеркивает огромное значение силы для социал-демократии на этом пути. Ведь необходима же сила и в парламентской борьбе, в силе же нуждаются и парламентские фракции. «Политика есть в существенном вопрос силы, — говорит Г. Фольмар в своих «Ближайших задачах», — и только тот может чего-нибудь достичь, кто свои требования подкрепляет осязаемой силой»¹⁹⁴.

Таким образом, Г. Плеханов отрицает насилие как метод борьбы рабочего класса за власть, за социализм. Для иллюстрации этого положения можно привести еще немало мест из работ Г. Плеханова. Даже в период самого высшего революционного своего подъема, в период «Искры» (в проекте программы РСДРП), он защищает лишь мирный путь завоевания рабочим классом политической власти, установления диктатуры¹⁹⁵. Мысль

¹⁹³ Г. В. Плеханов, Комедия ошибок, Соч., т. XIX, стр. 49; Г. В. Плеханов, Poleмическая беспомощность, или сердит, да не силен, Соч., т. XIX, стр. 218—219.

¹⁹⁴ Цит. по Е. Ривлин, Борьба течений в германской социал-демократии, «Под знаменем марксизма», 1926 г., № 11, стр. 154.

При наличии такого противопоставления силы и насилия считаем большой ошибкой переводить немецкое слово «Die Gewalt» русским словом «сила», как это делается в русских переводах «Анти-Дюринга». См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 186 и отдельное издание «Анти-Дюринга», 1931, стр. 170. Укажем, что В. И. Ленин «Die Gewalt» переводит лишь словом «насилие». См. приведенную нами выше выдержку из «Анти-Дюринга».

¹⁹⁵ См. Г. В. Плеханов, Пролетариат и крестьянство, Соч., т. XII.

о мирном завоевании пролетариатом господства подчеркивается и в резолюции меньшинства комиссии Парижского конгресса по вопросу о «Завоевании общественной власти», за которую на пленуме Конгресса голосовал в числе других и Г. Плеханов.

Г. Плеханов совершенно определенно держится мирного, законного пути завоевания пролетариатом политической власти, допуская необходимость применения насильственных действий лишь в редких, исключительных случаях. Большой интерес представляет в этом отношении статья «Сила и насилие», написанная специально на эту тему в 1894 году по предложению В. Либкнехта для центрального органа немецкой социал-демократии «Vorwärts». Статья направлена против анархистов. Их Г. Плеханов упрекает в том, что для них «революционные средства и насильственные действия обозначают одно и то же, являются одной и той же вещью». Опровергая это положение, он разъясняет, что анархистов вводят в заблуждение насилия прошлых революций, длинный, кровавый ряд насилиев, восстаний, баррикад, вооруженных столкновений и резни, которые мы встречаем в революциях XVII, XVIII веков и первой половины XIX века. «Положить пределы капиталистической эксплуатации при помощи фабричного законодательства, дать возгоржествовать в этих пределах политической экономии наемного труда над политической экономией капитала, — это значит, — пишет Г. Плеханов, — изменить в духе революции экономические отношения страны». Если для такой «революции» прежде и были необходимы насильственные средства, то теперь, с возрастанием силы пролетариата, они становятся лишними. «Чем значительнее силы пролетариата, тем ему, — говоря вообще, — легче добиваться подобных реформ мирными и законными средствами». К насильственным средствам рабочие вынуждены прибегать на сибирских золотых приисках, где они находятся целиком во власти предпринимателя. Но рабочие Западной Европы и США «обладают множеством законных средств, чтобы вести борьбу со своими эксплуататорами». А отсюда, заключает автор, материальная сила «вовсе не является необходимым условием всякого переворота». Насильственные средства, и то в известной мере, необходимы лишь в исключительных случаях, в условиях отсутствия демократического строя (как, например, в России). «При современном положении цивилизованных стран, в интересах самого пролетариата не увлекаться насильственными действиями»¹⁹⁶.

Мысль о том, что пролетарская революция обойдется без обычных для прежних революций насильственных действий, что пролетариат придет к власти, установит свою диктатуру мир-

ным, законным путем, — эта мысль еще более ярко выражена в статье «Столетие Великой революции» (1890 год), в статье, которая приводится часто для доказательства того, что Г. Плеханов отстаивал марксистскую точку зрения на диктатуру. Констатируя тот факт, что диктатура монтаньяров «была так же строга и немилостива, как строги и немилостивы были вызвавшие ее к жизни внешние враги республики», описав якобинский террор, Г. Плеханов торопится утешить буржуазию указанием на «бесспорную истину»: «Предстоящий теперь в цивилизованных странах «великий бунт» рабочего сословия, наверное, не будет отличаться жестокостью. Торжество рабочего дела до такой степени обеспечено теперь самой историей, что ему не будет надобности в терроре». «...Предстоящее революционное движение рабочих будет, собственно говоря, уже не «бунтом», хотя бы и «великим», а победоносной революцией...»¹⁹⁷.

Стоя на такой позиции, Г. Плеханов мог вести борьбу против Эд. Бернштейна лишь по вопросу о том, должен ли рабочий класс в недалеком будущем стремиться к политическому господству, нужно ли ему в настоящий момент ставить задачу завоевания власти. Что же касается пути осуществления этой задачи, в этом вопросе в борьбе с Эд. Бернштейном он сам обеими ногами стоял на оппортунистической точке зрения. В предисловии к «Коммунистическому манифесту», например, цитируя указания Эд. Бернштейна о том, что «вся практическая деятельность социал-демократии сводится к тому, чтобы создать такие обстоятельства и условия, которые сделали бы возможным и необходимым переход с современного общественного строя в высший без конвульсивных потрясений», он не находит на это по существу никакого возражения. Более того, «в этих словах есть доля истины, — пишет он. — Социал-демократия действительно заинтересована в том, чтобы переход в высший общественный порядок совершился без потрясений». Единственно, что пытается Г. Плеханов отстоять, — это признание все же (при условии перехода к новому строю «без конвульсивных потрясений», без насильственных действий) диктатуры пролетариата, то есть «состояния господства» пролетариата (от такого «состояния господства» не отказывается принципиально, хотя не для ближайшего будущего, как мы видели, и сам Эд. Бернштейн).

Насильственные средства борьбы Г. Плеханов допускает, как отмечали, лишь в виде исключения. Они неизбежны лишь в

¹⁹⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. IV, стр. 61, 64, 67.

«Бунт» и «революцию» Г. Плеханов противопоставляет часто и в эпоху первой русской революции. Г. В. Плеханов, Общее горе, Соч., т. XV, стр. 164.

¹⁹⁶ Г. В. Плеханов, Соч., т. IV, стр. 250—257.

борьбе с самодержавием за завоевание демократии. Когда дело идет о тиранах и палачах абсолютизма, то «умерщвление не есть убийство». Для них Г. Плеханов готов воздвигнуть гильотину¹⁹⁸. В самодержавной России, пишет он, «пределы возможного для пролетариата **законного** действия слишком малы»¹⁹⁹. В 1905 году Г. Плеханов призывает к вооруженному восстанию. Мы выше видели, какими оговорками обставляет он, однако, этот свой призыв. Еще в статье «Сила и насилие», указывая на то, что в России рабочий класс не может ограничиться одними законными действиями, он находит нужным там же предупредить рабочих, что «увлечение **насильственным способом действий** может привести к жесточайшему поражению»²⁰⁰.

Единственно, когда Г. Плеханов выступает без всякой оговорки за насильственные действия, это тогда, когда дело касается защиты буржуазной демократии, борьбы против «анархии». Защищая демократическое Временное правительство А. Керенского от «анархистов» — большевиков, он безоговорочно становится на точку зрения признания насильственных действий. «Горе тем, — пишет он после июльских событий, — которые не умеют ответить насильникам (большевикам. — Г. С.) ничем, кроме хороших слов!». Г. Плеханов самым энергичнейшим образом настаивает на том, чтобы «как можно решительнее **противопоставить силе силу**». Демократическое правительство, призывает он, должно бороться с «анархией (читай: с большевизмом, с революционным пролетариатом. — Г. С.) всеми без исключения средствами, какие только найдутся в его распоряжении». Упрекая А. Керенского в том, что «он слишком верит в силу слова», Г. Плеханов предлагает принять самые энергичные меры против «реакции», «решительно, немедленно и беспощадно давить все то, что загоразживает» путь буржуазной революции, буржуазной демократии...²⁰¹.

Антимарксистская, оппортунистическая позиция Г. Плеханова по вопросу о диктатуре пролетариата определяет оппортунистическое отношение его и к буржуазной демократии, к демократическому, конституционному строю государства. Взгляд на диктатуру пролетариата как на господство, возможное без насилия, без революционного террора, вера в возможность завоевания пролетариатом политической власти мирным, законным путем определяют его отношение к возникающим в Рос-

¹⁹⁸ См. Воспоминания Г. Сандомирского, «Под знаменем марксизма», 1923 г., № 6—7, стр. 32.

¹⁹⁹ Г. В. Плеханов, Сила и насилие, Соч., т. IV, стр. 257; Г. В. Плеханов, Врозь идти, вместе бить!, Соч., т. XIII, стр. 190.

²⁰⁰ Г. В. Плеханов, Сила и насилие, Соч., т. IV, стр. 257.

²⁰¹ См. «Единство», 1917 г., Как же быть?; № 81, Революция живет, № 84; Новое министерство, № 85.

сии демократическим, парламентским учреждениям. С другой стороны, отношение Г. Плеханова к этим учреждениям служит прекрасной иллюстрацией его понимания диктатуры пролетариата. Разногласия между большевиками и меньшевиками, между большевиками и Г. Плехановым по вопросу об отношении к Государственной думе и вообще к конституционным учреждениям связаны, бесспорно, самым неразрывным образом с разногласиями по вопросу о диктатуре пролетариата.

Первые такие разногласия об отношении к конституционным учреждениям, к конституционным методам борьбы проявились сразу же после II съезда РСДРП, в 1904 году, во время так называемой «земской кампании». Игра с земским конституционализмом, начатая самим правительством, конституционное движение земцев, поддержанное банкетным движением либеральной буржуазии и интеллигенции, были встречены со стороны меньшевистской «Искры» с большим энтузиазмом.

«Искра» разработала специальный план участия рабочих в земской кампании — «Письмо к партийным организациям». Оповестив с радостным волнением партийные организации о том, что «никогда еще Россия не была так близка к конституции, как теперь», «Письмо» дает им подробные указания о том, как содействовать земской кампании в осуществлении этой конституции. Как высшая форма политической борьбы рабочего класса, как «наиболее импонирующий способ» выступления социал-демократического пролетариата рекомендуется, вместо демонстрации революционных сил пролетариата на улицах, перед полицейскими участками, вместо подготовки рабочего класса для вооруженного свержения самодержавия — мирные манифестации рабочих, приуроченные к банкетам либералов и земским собраниям, «обсуждающие адреса, петиции, ходатайства» и т. п. Вместо беспощадной критики земской демократии, разоблачения ее половинчатости рабочим предлагается «не вызывать в земцах панического страха», поддерживать их петиции и адреса во имя торжества конституции²⁰².

Основное содержание всей деятельности меньшевиков и Г. Плеханова, стержень всей их тактики, начиная с «земской кампании», и состоит во внедрении в рабочих веры в эти адреса, петиции и т. п., в воспитании в них надежды на вводимые в жизнь монархическо-конституционные учреждения. Необходимое использование конституционных учреждений, парламентаризма, парламентских форм борьбы превращается в фетишизирование этих учреждений, в фетишизирование парламентской

²⁰² См. В. И. Ленин, Земская кампания и план «Искры», Соч., т. 7, стр. 463—482.

легальности. Непосредственно революционные методы борьбы или предаются вовсе забвению, или отодвигаются на задний план. Парламентский кретинизм западноевропейских оппортунистов охватывает умы меньшевиков еще задолго до появления в России парламента. Конституционные иллюзии начинают распространяться еще задолго до появления конституции.

Еще задолго до появления в России парламента, в 1905 году, по вопросу так называемой булыгинской Думы, а потом и виттевской Думы меньшевики и в особенности Г. Плеханов довольно ярко проявили свое филистерское, оппортунистическое отношение к конституционным учреждениям.

Положение о булыгинской Думе, изданное царским правительством (6 августа 1905 г.) под напором революционных событий 1905 года, предусматривающее создание совещательного, а не законодательного органа по избирательной системе, обеспечивающей преобладание богатых помещиков и купцов, было встречено конференцией социал-демократических организаций (сентябрь 1905 года) бойкотом. Бойкот булыгинской Думы, пишет В. И. Ленин, представлял борьбу против перехода революции на путь монархической конституции. «Лозунг бойкота булыгинской Думы был лозунгом борьбы за путь непосредственно-революционной борьбы против пути конституционно-монархического». «...В центре всей бойкотистской агитации стояла **борьба с конституционными иллюзиями**. Эта борьба была, поистине, живой душой бойкота»²⁰³.

И вот по такому вопросу меньшевики занимают колеблющуюся позицию, срывая этим бойкот. Г. Плеханов же, став на крайне правом фланге меньшевизма, резко выступает против бойкотистской тактики большевиков. Признав октябрьско-декабрьскую тактику революционной социал-демократии несостоятельной, осудив тактику подготовки вооруженного восстания («не нужно было братья за оружие»), он в декабрьском номере своего «Дневника социал-демократа» предлагает новую тактику, заключающуюся в участии в выборах и усилении внимания профессиональным союзам и вообще легальным организациям рабочих²⁰⁴, становясь, таким образом, на позиции приспособления к «конституции», на позиции разворачивания дальнейшей борьбы рабочего класса на почве монархической конституции.

Последующая думская политика Г. Плеханова, его отношение к думскому министерству, борьба против разоблачения

большевиками конституционной иллюзии вскрывают всю веру его во всемогущество дарованной царем Государственной думы, все его упования на Думу, на этот суррогат демократии как на верный путь революции, на путь к победе рабочего класса. На IV (Объединительном) съезде РСДРП в своей речи по вопросу об отношении к Государственной думе Г. Плеханов констатирует тот факт, что характерное различие по вопросу думской тактики между меньшевиками и большевиками заключается в **отрицании последними Думы как столбовой дороги революции**. «По-нашему, — заявляет он, — Дума стоит на столбовой дороге революции»²⁰⁵. В. И. Ленин в своей брошюре «Доклад об Объединительном съезде РСДРП» приводит место из первоначального проекта меньшевистской резолюции о Государственной думе, внесенной комиссией, членом которой был Г. Плеханов: «Впервые увидя на русской почве новую **самим царем вызванную к жизни, законом признанную**, власть вышедшую из недр нации» и т. д.²⁰⁶ Вот эту «самим царем вызванную к жизни, законом признанную» Думу, в то же самое время вышедшую, по мнению Г. Плеханова, из «недр нации», последний и считает «столбовой дорогой революции», дорогой к победе пролетариата. Насколько сильна вера Г. Плеханова во всемогущество Государственной думы, видно, между прочим, из того, что он в «Письме о тактике и беспастности» прямо заявляет: «Оно (правительство. — Г. С.) упадет в бездну, когда разгонят Думу»²⁰⁷.

С таким взглядом на Государственную думу связан лозунг Г. Плеханова о «полновластной Думе», требование «ответственно-го министерства».

В период I Государственной думы ЦК РСДРП в резолюции о думской тактике указал: «Будем поддерживать Думу во всех ее шагах, направленных к низвержению нынешнего министерства и к замене его министерством, назначенным Думой, видя в такой замене условие, способствующее созыву Учредительного Собрания». Против этой резолюции выступил ряд организаций (прежде всего Петербургский комитет), руководимых большевиками. В. И. Ленин посвятил специально этому вопросу несколько статей, вскрыв всю оппортунистическую сущность требования думского, или «ответственного», а по существу кадетского министерства. Это требование, показывает В. И. Ленин, затуманивает сознание массы, затушевывает бессилие Думы, отвлекает внимание рабочих от необходимости организации новой непосредственной революционной борьбы. В статье

²⁰³ В. И. Ленин, Против бойкота, Соч., т. 13, стр. 4—6, 12—13.

²⁰⁴ См. Г. В. Плеханов, Еще о нашем положении, Соч., т. XV, стр. 3—15. (См. критику этой статьи: В. И. Ленин, Современное положение России и тактика рабочей партии, Соч., т. 10, стр. 94—100).

²⁰⁵ Г. В. Плеханов, Речь по вопросу об отношении к Государственной думе, Соч., т. XV, стр. 78. Подчеркнуто мною. — Г. С.

²⁰⁶ В. И. Ленин, Доклад об Объединительном съезде РСДРП, Соч., т. 10, стр. 333.

²⁰⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. XVI, стр. 100.

«Пусть решают рабочие» В. И. Ленин на вопрос, может ли революционный пролетариат поддерживать требование о назначении верховной властью кадетского министерства, отвечает: «Нет, не может. Кадетское министерство может быть лишь **делкой** самодержавия с либеральной буржуазией против социалистических рабочих и против революционного крестьянства. С.-д. используют, конечно, с удвоенной силой то новое положение, которое создано бы при такой сделке; с.-д. тщательно взвешают свою тактику, если эта сделка даст хоть временное облегчение борьбы за свободу и за социализм. Мы постараемся и эту сделку, направленную против революции, обратить на пользу революции. Но **поддерживать** заключаемую **за спиной народа** сделку буржуа с **чиновниками** мы не можем. Призывать народ или пролетариат к такой поддержке, значит развращать его сознание, значит скрывать от него правду **о сущности** этой сделки, об ее **опасности**, о стремлении буржуазии и чиновничества **затруднить** этим созыв учредительного собрания»²⁰⁸. В статье «Еще о думском министерстве» В. И. Ленин пишет: «Думское или кадетское министерство есть именно... лживая, двулика, зубатовская реформа. Забывать ее реальное значение, как опыта сделки кадетов с самодержавием, значит заменять марксизм либерально-буржуазной философией прогресса. Поддерживая **такую** реформу, внося ее в число **своих** лозунгов, мы **ослабляем** этим и ясность революционного сознания пролетариата, и его самостоятельность, и его боевую способность»²⁰⁹.

В период между I и II Думой Г. Плеханов возвращается к этому вопросу, беря резолюцию ЦК под свою защиту. На вопрос одного из читателей «Товарища», какова могла быть общая избирательная платформа левых и крайних левых партий, он отвечает, что на этот «вопрос нет и не может быть другого ответа, кроме этих двух слов: **Полновластная Дума!**». «Полновластному г. Столыпину» Г. Плеханов противопоставляет «полновластное народное представительство» в виде Думы, которое является, по его мнению, необходимым предварительным условием осуществления всех политических и социальных требований всех передовых партий, в числе них и социал-демократии²¹⁰. В другой статье, посвященной опять этому вопросу, Г. Плеханов подчеркивает, что полновластная Дума — это обладание народом всей полнотой власти, народное полновластие²¹¹. В статье же «Заметки публициста» (письмо шестое) он отстаивает «ответственное ми-

²⁰⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 464.

²⁰⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 55.

²¹⁰ См. Г. В. Плеханов, Гласный ответ одному из читателей «Товарища», Соч., т. XV, стр. 333—334.

²¹¹ Г. В. Плеханов, Пора объясниться, Соч., т. XV, стр. 336—337.

нистерство» как орудие борьбы за революцию, как гарантию осуществления народовластия.

Итак, «полновластное народное представительство», выражающее всю «полноту власти народа», «ответственное министерство», гарантирующее осуществление этой власти.

Но все это разве не лозунги буржуазии, лозунги с самого начала появления ее на политической арене, лозунги, которыми она затуманивает сознание масс, затушевывая классовый характер демократических учреждений? Разве в России сама либеральная буржуазия не выдвинула лозунг об ответственном министерстве? Разве «полновластие» Думы, «ответственное министерство» в условиях недоведения революции до конца могли означать переход власти в руки народа? Разве такое «полновластие» Думы могло быть чем-нибудь иным, как сделкой реакции с либералами?

Вот что преподносил Г. Плеханов рабочим, готовящимся к решительному бою. И он именно это и считает основным в классовых боях пролетариата, это и считает развитием революции. Требование ответственного министерства, указывает он в «Заметках публициста», при условии увеличения силы революции может и должно было послужить сигналом для **решительного боя с реакцией**. «Нам нужно продолжать поджаривать нашу матушку-бюрократию **на медленном огне всенародной агитации**», — приводит он выдержку из своих «Писем о тактике и бестактности»²¹².

Дума — «столбовая дорога революции», «ответственное министерство» — орудие решительной борьбы за революцию, «огонь всенародной агитации» — средство ликвидации самодержавия, — вот к чему приводит Г. Плеханова его вера во всемогущество демократических учреждений, его вера в возможность «победоносной революции» без «бунта».

Но буржуазно-демократические учреждения для Г. Плеханова орудие не только в борьбе с самодержавием; они представляют орудие в руках пролетариата и в непосредственной борьбе за социализм. Выше, разбирая взгляд Г. Плеханова на силу и насилие, мы показали, что «при современном положении цивилизованных стран» нормальным путем к господству пролетариата, к социализму он считает путь буржуазной демократии. Демократические учреждения буржуазного государства должны сыграть, по его мнению, созидательную роль в социалистической революции, они должны послужить рычагом построения социализма.

С этой точки зрения смотрит Г. Плеханов на буржуазную демократию и на демократические учреждения в России в 1917 го-

²¹² Г. В. Плеханов, Заметки публициста, Соч., т. XV, стр. 309—311. Подчеркнуто мною. — Г. С.

ду. Демократия, пишет он, большая политическая сила в руках пролетариата, дающая ему возможность ограничить власть «капитанов промышленности». В демократических странах, разъясняет он, правительства привыкли принимать в соображение ясно и решительно выраженную волю организованного пролетариата²¹³. Приветствуя образование предпарламента, Г. Плеханов вспоминает немецкий предпарламент и последующее национальное собрание, оставившее о себе весьма нелестную память. Настоящие революционеры, и прежде всего К. Маркс, «довольно основательно обвиняли эти собрания, — признается он, — в бездеятельности и в неудержимой склонности к болтовне. Поэтому представление о предпарламенте невольно сочетается в моем уме с представлением о крайней болтливости и бездеятельности». «А впрочем это пустяки», — заявляет Г. Плеханов²¹⁴.

Г. Плеханов хорошо знает «не весьма лестное» мнение К. Маркса и других «настоящих революционеров» о парламенте, о буржуазной демократии и иногда об этом невольно вспоминает. Но для него... «это пустяки».

Так велика вера Плеханова в парламентские методы борьбы, в буржуазную демократию, в мирный, легальный путь победы пролетариата.

Не изменяет себе в этом отношении Г. Плеханов и в своем знаменитом заявлении на II съезде РСДРП о возможности ограничения отдельных демократических прав. Обычное толкование этого заявления как выступление против идей буржуазной демократии, как обоснование диктаторских методов борьбы победившего пролетариата является, по нашему мнению, явно ошибочным.

Прежде всего нужно помнить, что Г. Плеханов имеет в виду лишь «гипотетически мыслимый случай», сама же возможность ограничения тех или других демократических прав кажется ему маловероятной. Далее. Речь идет не о победившем пролетариате, не о пролетарской революции, а о торжестве революции буржуазно-демократической. Обсуждается на съезде общеполитическая часть программы-минимум, вопрос о парламенте при буржуазном строе. Отсюда ясно, что Г. Плеханов, говоря о мыслимом случае ограничения отдельных демократических прав, не мог иметь в виду отрицание буржуазной демократии. Наоборот, он говорит лишь о тех или других отдельных демократических принципах (конкретно он указывает на избирательное право). Он выступает против признания за ними абсолютной ценности и допускает возможность ограничения их опять же во имя буржуазной демократии. «Каждый данный демократический

принцип, — говорит Г. Плеханов, — должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно принципу, гласящему, что *salus populi suprema lex* (благо народа — высший закон)». В переводе на язык революции это значит, поясняет он, что успех революции — высший закон²¹⁵.

Словом, только для торжества буржуазно-демократической революции, для торжества буржуазной демократии допускает Г. Плеханов возможность ограничить тот или иной отдельный демократический принцип, хотя он такой возможности и не предвидит. Здесь мы имеем дело далеко не с отрицанием буржуазной демократии и признанием диктатуры пролетариата.

Еще меньше говорит за отрицание Г. Плехановым буржуазной демократии, парламентаризма его указание (в том же заявлении на II съезде РСДРП) на то, что пролетариату придется постараться, чтобы удачный парламент сделать долгим, а неудачный — разогнать.

Вообще нужно заметить, что многих вводит в заблуждение тот факт, что Плеханов нередко очень энергично призывает рабочих к насильственным действиям. Мы выше видели, что в этих случаях он имеет в виду или завоевание буржуазной демократии, или же защиту уже завоеванной буржуазией демократии. Мы видели также, что в таких случаях от насильственных действий, от насилия не отказывается и К. Каутский. Да и не только К. Каутский. Достаточно привести выступление Эд. Бернштейна на Бременском партийном съезде германской социал-демократической партии (в сентябре 1904 г.) по вопросу о всеобщей стачке. «Если будет произведено нападение на демократические права, — говорит Эд. Бернштейн, — нам нельзя будет отнестись к этому хладнокровно и сказать: господь дал это право, господь взял его, да будет благословенно имя его на веки веков». Эд. Бернштейн призывает рабочих в таких случаях «применять все имеющиеся в их распоряжении способы борьбы»²¹⁶.

В вопросе буржуазной демократии, в вопросе диктатуры пролетариата Г. Плеханов совершенно последовательно отстаивает точку зрения международного ревизионизма.

²¹⁵ См. «Второй съезд РСДРП. Протоколы», стр. 181—182.

²¹⁶ «Материалы по истории I и II Интернационалов» под ред. Н. Брауна, стр. 267—268; К. Каутский. Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 472—474.

²¹³ См. «Единство», 1917 г., 1807, № 28.

²¹⁴ Там же, № 142. Подчеркнуто мною. — Г. С.